

© 2005 г. *Р. Р. РАСПОПОВИЧ, Ю. Е. БЫЧКОВ*

РОССИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО В КОТОРЕ. 1804–1806 ГОДЫ

Активизация на рубеже XVIII–XIX вв. внешней политики Российской империи на Балканах, частным проявлением которой можно рассматривать и открытие российского консульства в Которе, происходила в контексте крупных политических подвижек на европейском континенте того времени. После Великой Французской революции и особенно после того, как Наполеон Бонапарт, провозгласивший себя императором Франции, заявил о стремлении воссоздать империю Карла Великого, характерное для XVIII в. равновесие сил европейских государств было нарушено. Ради его восстановления европейские правительства активно занялись формированием новых коалиций.

Непосредственное участие в этом принимала Россия. Император Александр I находился перед искушением следовать советам своего ближайшего окружения, отстаивавшего курс “национальной достаточности” России, фактически ведущий к ее самоизоляции. Однако в конечном итоге победила точка зрения, получившая название политики “свободных рук”. Россия восстановила отношения с Великобританией и Австрией и в то же время подписала договор с Францией (октябрь 1801 г.), по которому, в частности, стороны брали на себя взаимные обязательства о согласовании действий в решении средиземноморского вопроса. Впрочем, вскоре Франция стала нарушать подписанные договоренности. Назначенный в январе 1804 г. управляющим министерством иностранных дел России А.Е. Чарторыйский продвигал идею славянского единства.

Экспансионистская политика Наполеона, борьба за передел сфер влияния ставили в повестку дня решение Восточного вопроса, связанного и с судьбой одряхлевшей Османской империи. Россия как великая держава, еще со времен императора Петра I и императрицы Екатерины II укрепившая свои позиции выходом к северным берегам Черного моря и правом прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы, обладала по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. статусом защитницы православных христиан Османской империи. Теперь же приоритетными целями своей имперской политики она считала дальнейшее расширение влияния на Балканах и в Средиземноморском бассейне, активное участие в решении судьбы Османской империи. Реально рассматривались варианты формирования здесь новых славянских государств, дружественных России.

Иные задачи ставила перед собой австрийская монархия, выступавшая союзницей России в антинаполеоновских коалициях. Решение Восточного вопроса Вена видела через “захват западной части Балканского полуострова, когда будут созданы благоприятные для этого международные условия”. При другом варианте допускалось сохранение “Турецкого царства”, “пока Австрия не будет готова сама начать военные действия” [1. С. 5].

Из сказанного видно, что интерес России к открытию своего заграничного представительства в этом регионе, как и направление специальной миссии во главе с графом М. Ивеличем, обуславливался не столько необходимостью налаживания дипломатической и консульской работы в Которе, Бококоторском заливе и Черногории, сколько свидетельствовал о наличии более крупных, далеко идущих внешнеполитических задач.

С падением Венецианской республики (1797) и входом Австрии в Далмацию и Боку Которскую Черногория приобрела сильного европейского соседа. Однако такое соседство существенно затрудняло решение Черногорией собственных задач освободительной борьбы, формирования центральной власти и оформления независимого государственного статуса. Стесненная амбициозными планами Вены и политикой Османской империи, а также исходя из возможного похода на нее Наполеона, Черногория, формально считавшаяся ее частью, после безуспешных обращений за помощью к России прибегла к попыткам установить более близкие отношения с Францией¹. Олицетворял эту политическую линию духовный лидер Черногории Цетиньский митрополит Петр I Петрович-Негош.

Очевидно, что с учетом общей расстановки сил между великими державами в Европе такие действия черногорских властей шли в разрез с русскими интересами на Балканах. Новый внешнеполитический курс черногорского владыки был неприемлем для России из-за возможного военного союза Черногории и Франции и глобальных российских политических планов всесторонней защиты Османской империи в случае похода на нее Наполеона, чтобы не допустить контроля Франции над проливами Босфор и Дарданеллы. Российские стратеги предполагали, что скалистый рельеф Балкан будет способствовать здешнему храброму населению противодействовать проникновению французских войск на османскую территорию, по крайней мере, до прихода объединенных русских, английских и турецких сил. В случае невозможности остановить французское наступление силами местного населения одним из потенциальных решений являлось образование независимого, простирающегося от Боки Которской до Сербии, всеславянского государства под покровительством Порты и защитой России; его население, связанное с Россией общностью языка и православной верой, выступило бы ее главным форпостом в регионе [3. С. 54–56] (более подробно см.: [4. С. 11]). Другое такое государство могло быть образовано из греческих областей, объединенных в Ионическую республику. Оба государства получили бы независимое управление по типу республики Дубровник.

¹ Как отмечал исследователь Д. Вуксан, “обвинение владыки в связях с Францией не были бесосновательными. Мы не знаем, когда владыка вступил в контакт с французским старшим офицером Феликсом де Лапрадом, но знаем, что он направил к нему в 1803 г. в Ла Хайе (Голландия) своего племянника (Николу?) с письмами, в которых приглашал его приехать в Черногорию и взять на себя командование черногорским войском против Австрии. В это же время владыка уполномочил Лапрада от его имени передать в распоряжение Наполеона все свои силы. Лапрад сразу отправился с Николой в Париж и обо всем доложил министру иностранных дел князю де Беневану, который пообещал известить об этом Наполеона” [2. С. 94].

Вместе с тем, в Санкт-Петербурге отдавали себе отчет в том, что политические и военные успехи Черногории в конце XVIII в. (в особенности, битвы 1796 г. на Мартиничах и Крусах), как и прогресс на пути государственного строительства² способствовали становлению Черногории “как реального фактора европейской политики” [5. С. 357] и делали ее способной играть роль важной стратегической опоры России на Балканах.

С учетом этих соображений Россия отправила в Черногорию своего специального представителя графа Марка Ивелича³, доверив ему важную дипломатическую миссию, суть которой состояла в подготовке отпора потенциальной французской экспансии в регионе и устранении от власти митрополита Петра I Петровича-Негоша. Содействовать деятельности М. Ивелича должен был архимандрит Стефан Вучетич⁴, снискавший доверие Санкт-Петербурга.

Перед отъездом М. Ивелича из России государственный канцлер А.Р. Воронцов передал ему 28 октября 1803 г. “Грамоту русского царя губернаторам и воеводам черногорским и брдским славяносербских областей”⁵ и соответствующие наставления по работе. Официально миссия направилась к Петру I Негошу и его секретарю аббату Ф. Долчи как к “главным инициаторам” нового внешнеполитического курса Черногории. Некоторые историки утверждают, что эта миссия не преследовала целей наказать Петра, а только воспрепятствовать усилению французского влияния в Черногории (см.: [10; 11]). Его обвиняли не столько в предательстве, сколько в заблуждении, в которое его ввел якобы личный секретарь, “французско-австрийский” агент, “злой недруг русского двора” аббат Ф. Долчи, стремившийся отдалить владыку от России. По своему характеру миссия имела значение европейского масштаба, поскольку, в случае ее успеха, укрепление российских позиций в Черногории должно было остановить распространение католицизма и пресечь дальнейшие захватнические планы Наполеона на Балканах.

На основе записей М. Ивелича о поручениях, выполненных им за период с ноября 1803 по май 1806 г. [б. 1803. Д. 4. П. 6. Л. 21–31 об.], можно судить, что его деятельность с самого начала была четко спланирована и носила характер открытого конфликта с владыкой. С прибытием в январе 1804 г. в Боку Которскую [б. 1803–1809. Д. 4. П. 4. Л. 11] (разместился он в своем родном городе Рيسان) М. Ивелич стремился, прежде всего, склонить на свою сторону как можно большее количество черногорцев и брдян, отдалить от митрополита черногор-

² Владыка Петр I Петрович-Негош внес решающий вклад в организацию центральной власти в Черногории. Ключевой датой в формировании органов управления считается 18 октября 1878 г., когда на скупщине в Станевичах было избрано “Правительство суда черногорского и брдского”, известного как “Кулук”, и принят первый черногорский “Законник”.

³ Генералу М.К. Ивеличу (1740–1825) трижды доверялись важные дипломатические миссии в Черногории, Боснии и Герцеговине. Миссии 1774 и 1788 гг. были связаны, главным образом, с набором югославян в русскую армию. В данной статье речь идет о миссии М. Ивелича, начавшейся в октябре 1803 г. [6].

⁴ Петр Вучетич (Вукотич) был родом из Грбля. Его, как архимандрита, черногорский владыка направил в 1798 г. со специальной миссией в Россию для получения денежной и другой помощи для Черногории (см.: [7. С. 200]). Имя Стефан он, вероятно, получил при посвящении в сан архимандрита (см.: [8; 9. С. 44–45]).

⁵ По другим архивным источникам, грамота вручена М. Ивеличу 24 октября 1803 г. [б. 1803 Д. 4. Л. 2].

ское войско. Устранение владыки предполагалось осуществить различными средствами, включая и его компрометацию⁶.

Согласно записям М. Ивелича, на обвинения в свой адрес владыка реагировал “холодно и очень сдержанно”. На требование царского посланника информировать о количестве “пороха и свинца”, хранящегося в монастыре Маина, владыка, не считая необходимым отвечать лично, через своего секретаря Доментиана “уведомил о том, что не обязан об этом давать отчет, кроме как своему правительству и народу черногорскому и брдскому”. Еще большую степень “самоволия” Петр проявил, когда лишил архимандрита Вучетича священного сана (6 марта 1804 г.). Информация об этом акте была “обнародована не только в Черногории, но и в австрийских землях, в открытой печати, без каких-либо препятствий со стороны австрийского губернатора барона Розеты” [6. 1803. Д. 4. № 6].

В упомянутых записях русского посланника приводятся данные о том, что 16 марта 1804 г. по рекомендации митрополита было решено прекратить все отношения черногорцев с М. Ивеличем и отклонить принятие царской грамоты, как тенденциозной и неприемлемой. Однако существует и другое мнение. Судя по опубликованной Д. Вуксаном переписке в связи с разгоревшимся спором между правительством черногорским и брдским, с одной стороны, и русским царем, коллегией министерства иностранных дел и самим М. Ивеличем, с другой, черногорская сторона в своих обращениях часто выражала удивление: почему Ивелич так долго задерживается в австрийском “цесарьском” Которе и почему не передает грамоту? [7. С. 205]. Согласно этому же источнику, владыку не покидала мысль встретиться с Ивеличем; он пишет ему в начале мая 1804 г. и удивляется, почему тот не исполняет указания царя. Поскольку утверждения об отказе черногорцев принять царскую грамоту находятся только в дневнике М. Ивелича, можно предположить, что он таким образом просто хотел снять с себя ответственность.

Становилось все более очевидным, что первоначальная уверенность петербургского двора в том, что устранение владыки Петра станет легкой задачей, была результатом ошибочных оценок его истинной роли в Черногории, как и силы русского влияния в этой горной стране.

Еще более безрезультатными оказались усилия русского Святейшего Правительствующего Синода по дискредитации черногорского владыки в духовной сфере. Так, в письме Синода “преосвященному митрополиту черногорского и бердского народа Петру” от 11 октября 1803 г., наряду с упоминанием о взаимных отношениях и помощи Цетиньской митрополии, перечислены конкретные ошибки в проведении церковных обрядов, за что персонально ответственным объявлялся митрополит⁷.

Выражая уверения, что владыка отзовется на вызов в суд, Святейший Синод одновременно предупреждал его, что отказ означал бы “открытое признание намеренных действий против православия и подтверждает приверженность к

⁶ Для очернения владыки говорилось о его договоре с каким-то государством (Францией?) о продаже черногорского народа за 25 тыс. дукатов (см.: [12. С. 260]).

⁷ В частности, отмечалось, что во время обряда крещения детей не помазывают миром, церковь не обеспечена необходимой утварью для совершения службы, монастыри опустели и не имеют икон, народ не слушает наставлений о вере и уважении Бога, а митрополит не стремится это исправить и “целый год пропускает дела святой службы”.

латинской церкви”, в чем и обвиняется митрополит. От него все отойдут, как от “архиерея, своими мыслями присоединившегося к иноверцам, и при том своего величия став недостойн, как неверный сын церкви”. В итоге будет обращение к “православному народу черногорскому и брдскому избрать себе другого достойного верховного пастыря и послать его в Санкт-Петербург на хиротонию” [6. 1803–1809. Д. 4. № 2].

Ожидания, что благодаря миссии М. Ивелича и посланий царя и Синода удастся легко сместить Петра с цетиньского церковного престола и на его место поставить нового митрополита, скорее всего С. Вучетича, не оправдались. Вместо ослабления позиций черногорского владыки эта акция только укрепила его положение и способствовала еще большему сплочению с народом.

Считая владыку оклеветанным и несправедливо обвиненным, черногорцы и брдяне стали заступаться за него, предпринимая через черногорское правительство шаги по устранению недоразумения. Для разрешения возникшего конфликта последовала известная переписка черногорского правительства с русскими чиновниками. После прошедшей 1 мая 1804 г. в Цетинье скупщины черногорских вождей, поддержавших владыку, правительство направило новые обращения к русскому царю и коллегии министерства иностранных дел [7. С. 205].

Аналогичные шаги предпринимались и позднее: в начале июля русскому царю и графу Ивеличу были направлены новые письма⁸. В них подчеркивалась полная независимость и самостоятельность Черногории в отношениях с Россией как в духовной жизни, так и в политике. Говорилось, что после ликвидации Печской патриархии в 1766 г. “наш господин митрополит остался сам по себе в этой церкви, вне зависимости от какой-либо власти, как другие архиереи”; что от древних времен “веру христианскую мы не от русских, а от греков получили”, и поэтому “мы, народ черногорский и брдский, не являемся подданными Российской империи, а находимся только под духовным покровительством и не по другим причинам, только как просто по единой вере и единой народности”. На основании этого отклонялась всякая возможность предания митрополита суду, поскольку “до настоящего времени наши архиереи не несли ответа перед русским Синодом, поэтому и этого нашего архиерея не отпустим, чтобы кто-то судил его и праздновал победу. Если бы он что-то совершил и был виноват, за что несправедно оклеветан, мы бы могли сами судить его не как архиерея, а как почетнейшего между нами гражданина” [6. 1803. Д. 4. № 4].

Наряду с отказом подчиниться требованиям России и выражением открытой поддержки митрополиту черногорское правительство постоянно подчеркивало свою приверженность и верность русскому двору, готовность черногорцев и брдян до конца бороться с врагами России. Выражалась необходимость объясниться, проверить обоснованность обвинений митрополита, направить в Черногорию комиссию, послать в Россию для разрешения спора черногорских представителей, для чего выдать им российские паспорта. Раскритикованные М. Ивелич и С. Вучетич квалифицировались предателями и врагами Черногории.

Непоколебимая позиция черногорцев и брдян, их уверенность в правоте и честности митрополита повлияли на политику России по отношению к Черногории. Санкт-Петербург более не ставил целью устранение Петра I Негоша, а

⁸ Хотя эта переписка официально велась между черногорским правительством и государственными институтами России, несомненно, каждое письмо с черногорской стороны, с учетом его положения в Черногории, писал владыка.

распространение русского влияния впредь связывалось с основанием российского консульства в Которе. Видимо, одним из главных соавторов этой идеи был сам М. Ивелич, опасавшийся гнева петербургского кабинета за провал одобренной императором миссии и искавший выхода из ситуации.

Так безуспешно закончилась многомесячная деятельность М. Ивелича по смещению владыки, в которую были вложены значительные денежные средства⁹.

Первые данные об основании российского консульства в Которе приходится на начало мая 1804 г. В консульском патенте, подписанном 5 мая 1804 г. императором Александром I, говорилось буквально следующее: “Все́м, кому сие объявится, Наше поздравление. За благо рассудили Мы определить Нашего Консула в Катаро, владения Его величества Императора Римского¹⁰, дабы подданные Наши, приезжающие туда для отправления торговли и других промыслов своих, могли иметь нужное вспомо́жение и защиту; будучи же известны о добрых качествах и способности Нашего Надворного Советника Алексея Мазуревского, избрали Мы его в сие звание... [13. Д. 3. Л. 34а].

На основании царского решения канцлер А.Е. Чарторыйский в тот же день, 5 мая, подписал инструкцию А.О. Мазуревскому [13. Д. 3. Л. 28–33об.], предписывавшую ему “немедленно” отправиться к новому месту службы. В этом документе сообщалось о том, что российскому послу в Вене графу А.К. Разумовскому поручено проинформировать “Министерство Великого императора Римского” о состоявшемся назначении, а генеральный консул России в Дубровнике (Рагузе) К.К. Фонтон обязывался предоставлять А.О. Мазуревскому “нужные сведения” (ранее Черногория и Бока Которская “курировались” российским консульством в Дубровнике).

К месту назначения А.О. Мазуревский добирался через Вену и Триест. Примечательно, что в Вене он “узнал от чрезвычайного там посла нашего, что стечение обстоятельств требовало скорейшего присутствия моего в Боке ди Катаро”. По прибытии в Боку Которскую 22 июня 1804 г. он первоначально разместился в Рисане, где проживал М.К. Ивелич [13. Д. 3. Л. 10]. Поскольку к тому времени экзекватура из Вены еще не была получена, открытие консульства задерживалось. Однако это не стало препятствием для активной деятельности А.О. Мазуревского.

Следует отметить, что с самого начала в обязанности российского консульства в Которе вмещались две функции. Одна из них происходила из официального статуса этого учреждения как иностранного представительства России на территории другого государства – Австрии. Вторая же базировалась на особых интересах российской политики относительно Черногории.

Доминировали торгово-экономические вопросы. В частности, А. Мазуревскому поручалось, “чтобы каждому русскому кораблю, который пристанет в

⁹ Согласно “Отчету о приходах и расходах и о внеочередных тратах за службу графа Ивелича от 4 января 1804 г. до 28 марта 1806 г.” М. Ивелич в декабре 1804 г. от кредита в 10 тыс. рублей получил 2 470 венецианских червонцев, и эта сумма в течение того же года увеличилась еще на 3 тыс. червонцев и составила 5 470 венецианских червонцев. Все деньги, согласно приведенному отчету о расходах, были потрачены.

¹⁰ Город Котор, располагающийся на берегу Бокоторского залива, входил в состав Венецианской республики с 1420 г. После разгрома Венецианской республики Наполеоном в 1797 г. ее владения в Далмации и Боке Которской, в том числе Котор, перешли к австрийцам. Вена тогда являлась столицей государства, именовавшегося Священной Римской Империей германской нации.

Которе, независимо торговый или военный, и каждому русскому, приезжает он по служебным или частным делам”, оказывались все возможные виды помощи. Помимо этого, министерство иностранных дел требовало подробных отчетов об особенностях “местного края”, о состоянии торговли, экспорте и импорте товаров, данных “о пользе, которую получают разные европейские народы от торговли товарами, которые там производятся”. Необходимо было обратить внимание на льготы, которые “можно получить в этой стране для России”. Такие сведения, как и рекомендации консула по вопросам торговли, следовало представлять государственной торговой коллегии.

А.О. Мазуревский должен был информировать Министерство иностранных дел о значимых событиях в консульском округе, работе местных органов. В обязанности дипломата входило опровержение “предосудительных слухов и впечатлений” о Российской империи, укрепление “справедливого понятия” о ее “величестве и могуществе”, о “выгодах”, которые получают в ней иностранцы, “особенно купцы”, о “преимуществах и вольностях, присвоенных черноморским портам”, и “более всего о высочайшем и могущественном покровительстве, которое дарует Его императорское Величество всем исповедующим греко-русскую веру, где бы судьба им обитать ни определила”.

Главное положение инструкции гласило: “Смежность Бока ди Катаро с Черногорией и Герцеговиной есть настоящий предмет назначения Вашего” [13. Д. 3. Л. 28–33об.]. Подчеркивалось, что с помощью консульства российский МИД должен информироваться обо “всем том, что в помянутых провинциях примечания достойного происходить будет”.

В инструкции отдельно не прописывались обязанности консула в Черногории, поскольку “обстоятельнейшие предписания касательно сего края” А. Мазуревский должен был получить по прибытии к месту службы от М. Ивелича, который находился там, как подчеркивалось, “по особенной комиссии”. О субординации дипломатов говорило назначение А. Мазуревского в качестве секретаря М. Ивелича с обязанностью “выполнять в точности все то, что от него на Вас возлагаемо будет”. Если бы М. Ивелич посчитал необходимым “для пользы службы переменить место пребывания своего”, А. Мазуревский обязывался “за ним следовать”. Была бы в этом случае прекращена консульская деятельность А. Мазуревского в Которе, неизвестно.

В документе предусматривалось, что когда М. Ивелич “окончит порученное ему дело” и покинет регион, коллегия иностранных дел снабдит А. Мазуревского дополнительными инструкциями. Пока же он должен был “наблюдать, чтобы россияне не были подвержены каким-либо обидам со стороны частных людей или и самого правительства в Катаро”. В случае “затруднений в отправлении должности” А. Мазуревский адресовался за помощью и наставлениями к российскому послу в Вене.

М. Ивелич сам известил черногорского митрополита об учреждении российского консульства в Которе и прибытии его руководителя [2. С. 128]. Петр I Петрович-Негош не только приветствовал открытие российского консульства, но написал специальное “объявление” от 15 июля 1804 г. об этом “для прочтения его гласно на торговой площади, где собирается множество черногорцев”, в котором владыка указывал, что назначенный царем консул А. Мазуревский будет “в каждом необходимом случае оберегать и защищать православные христианские народы”, а особенно “черногорский и брдский”, которые издавна с “усердием и верностью привязаны к высочайшему всероссийскому престолу” [13. Д. 3. Л. 289об.–290об.].

Днем позже владыка направил письмо уже А. Мазуревскому, в котором сообщил, что его назначение он воспринял с “несказанной радостью”. Из текста письма видно, что владыка был к тому времени уже полностью информирован об особой роли будущего консульства и его ответственности за отношения Черногории с соседней Австрией. С учетом деликатности вопроса он пишет А. Мазуревскому о целесообразности ознакомления с ним только “тех, кому это требуется знать”, называя, в частности, “некоторых чиновников и остальных военных”. Остальных о задачах российского консульства владыка планировал оповестить, “когда состоится скупщина у резиденции в Цетинье” [13. Д. 3. Л. 15]. При этом он с полным пониманием говорил, выражаясь современной лексикой, о добровольном делегировании российскому консульству части специфического черногорского суверенитета.

Указания, которые А. Мазуревский получал от М. Ивелича, не носили общего характера, а меняли свою конкретику в зависимости от интересов миссии графа. Как следует из дневниковой записи А. Мазуревского, из бесед с патроном он резюмировал: “Предмет назначения моего имел главною целью послушное благоустройство Черногории” [13. Д. 3. Л. 272]. Практическая реализация большей части вверенных М. Ивеличу дел была переложена на А. Мазуревского сразу после его прибытия в Котор. Поскольку главным, тревожащим М. Ивелича в тот период моментом была тупиковая ситуация в реализации планов устранения черногорского митрополита и невручение черногорцам царского послания, датированного еще октябрем 1803 г., естественным было стремление графа максимально подключить вновь прибывшего российского дипломата к решению этой проблемы.

После общения с местным населением А. Мазуревский довольно всесторонне представлял сложившуюся ситуацию. В частности, он сообщает о листовках, которые по прибытии графа М. Ивелича в Боку заполонили Черногорию. В них говорилось о планах М. Ивелича стать генерал-губернатором Черногории, а “владыку Петра сковать и отправить с конвоем в Санкт-Петербург к ответу” [13. Д. 3. Л. 273]. Прокламации “взволновали черногорцев и дали способ аббату Долчи отвращать и ополчать владыку Петра от преданности к России, в чем де он, Долчи, и успешность получил, ибо митрополит Петр постриг и наложил проклятие на архимандрита Вучетича, и ополчил народ черногорский и бердский против графа Ивелича до такой крайности, что народ сей не токмо с рук его высочайшей грамоты принять не хочет, но и угрожает ему смертью, если он отважится показаться на сейме черногорском” [13. Д. 3. Л. 273об.–274].

Объективно смотря на вещи, А. Мазуревский отмечал, что “скорый изворот”, к которому прибегал М. Ивелич по отношению к митрополиту, “нарушил общую в Черногории тишину и навсегда постоянную преданность к всероссийскому престолу”. Это тревожило А. Мазуревского и потому, как отмечено в его записях, он “отважился доложить его сиятельству” о возможных “неприятных последствиях”. В ответ М. Ивелич “уверял” консула, что он “знает, что делает, что покажет... депутатов, которые за скудную цену привезут к нему аббата Дольчи и самого даже митрополита” [13. Д. 3. Л. 274]. На состоявшейся вскоре в Которе встрече с несколькими черногорскими чиновниками, которых М. Ивелич представил А. Мазуревскому как “народных депутатов”, те заявили, что не все черногорцы и бердяне “совершенно преданы владыке Петру”, что “разглашения” М. Ивелича “ожесточили народ”, что “подкупленные австрийцами гла-

вари всемерно стараются разделить черногорцев на две противоударные части” и что они сами “некоторым образом в том участвуют...” [13. Д. 3. Л. 274об.].

А. Мазуревский посчитал возможным лично вмешаться в урегулирование конфликта, запросил на это полномочий от М. Ивелича и получил в июле 1804 г. его письменное указание: “Обстоятельства требуют, чтобы Вы вступили в формальное сношение с черногорским митрополитом, начав извещением, что Его императорскому Величеству благоугодно было учредить в Катаро консулат. И какой отзыв получите на оное, равно как и всю переписку... оригинально доставлять мне для прочтения”. При этом М. Ивелич выразил надежду, что А. Мазуревский своим “красноречием и знанием” сможет получить расположение митрополита, и “содействовать тем будете мне” в исполнении царского приказа [13. Д. 3. Л. 287–287об.].

В письме от 4 августа М. Ивелич сообщает А. Мазуревскому, что ввиду болезни он не в состоянии прибыть 7 августа на назначенное в Цетинье собрание черногорских предводителей, и потому поручает ему, как “чиновнику, пользующемуся уже императорской доверенностью”, передать царскую грамоту “для распечатания и прочтения всему черногорскому и бердскому народу”. М. Ивелич поручает передать грамоту “с особым уважением и почестями”, а народ и правительство убедить в милосердии монарха нашего и “всегдашнем его уважении к единокровным и единоверным и храбрым черногорцам и брдянам”, и чтобы торжество вручения было организовано так, что митрополит останется “уверенным в возвращении ему прежней благосклонности монарха нашего”; “одним словом, сообразуйтесь с известными Вам обстоятельствами, требующими скорейшего окончания тамошних неурядиц”, а от митрополита и правительства “испросите” согласие на то, чтобы впредь переписку и общение с австрийским губернатором Розети они вели только через “единоплеменного и единоверного” российского консула. Успех выполнения поручения, с которым М. Ивелич сам, по сути дела, не справился, он связывал с “опытностью и способностями” А. Мазуревского [13. Д. 3. Л. 292–293].

В итоге А. Мазуревский отправился на свою первую встречу с митрополитом Петром, которая состоялась 6 августа в монастыре Станевичи. После часовой беседы взаимопонимание было полностью налажено. Митрополит представил консула собравшимся черногорцам, ручался, как отмечает А. Мазуревский, за его “честность и советовал всем почитать и слушаться его, говоря, что он истинный россиянин и природный дворянин, что... они не будут более иметь дела с графом Ивеличем и ни с кем иным” [13. Д. 3. Л. 277об.]. Петр представил учреждение консульства как акт “высочайшего к народу благоволения” со стороны императора Александра I “для покровительства их и защиты против притеснений австрийцев”. В итоге собрание решило, что на назначенном на следующий день в Цетинье народном сборе царскую грамоту следует принять. А. Мазуревский же записал в рапорте: “На сём-то сейме заметил я, что власть губернатора и главарей в Черногории ничего не значит, что один только митрополит располагает всем и всеми, что нет дела, в котором он не успел, если чего захочет” [13. Д. 3. Л. 278].

7 августа 1804 г. в Цетинье в присутствии более 1600 человек¹¹ с пением молитв, звоном колоколов, залпами из 51 орудия, А. Мазуревский передал грамоту

¹¹ В различных архивных документах приводятся разные данные о количестве присутствовавших. В частности, в черногорских документах говорится о 2500 гостях.

“черногорскому и брдскому губернатору” В. Радоничу, который, распечатав ее, прочитал перед собравшимся народом. А. Мазуревский позже зачитал рескрипт царя, адресованный графу М. Ивеличу с признанием его работы успешной. Таким образом, народ Черногории был, наконец, ознакомлен с содержанием послания русского царя “губернаторам и воеводам черногорским и брдским славяносербских областей”, написанной почти годом раньше¹².

Вручение грамоты, как и оглашение царского рескрипта, не имели бы особого значения ввиду их запоздалости и несоответствия меняющимся обстоятельствам. Однако манифестация 7 августа ставила точку на бесплодных попытках смещения черногорского лидера Петра I Петровича-Негоша и таким образом расчищала политические препятствия для предстоящей деятельности российского консульства в Которе.

Уже в принятом тогда на народном сходе решении указывалось, что впредь “никто из черногорцев не будет иметь отношений с австрийским начальством, только как через русского консула под угрозой лишения чести и имущества каждого” [13. Д. 3. Л. 2].

Подготовленное митрополитом и правительством на основе решения народного схода “объявление” от 14 августа 1804 г. адресовалось “всему народу” и было направлено в “каждую нахию, во все княжества и села, также на все рынки и в каждый город”, чтобы “каждый слушал и понимал, что в этом письме говорится и предписывается” [6. Д. 4. Л. 156; 17. С. 195]. В “объявлении”, в первую очередь, указывалось, что российского консула, как представителя “царя-защитника и покровителя”, должны уважать и достойную честь оказывать “как господа чинов начальники, так и каждый другой черногорец и брдянин”, а также делать все, что он “кому-либо прикажет, зная при этом точно, что его приказы не могут быть ни какими иными, кроме как направленными на достижение общенародного мира, спокойствия и прекращение всякого зла и смуты”. К компетенции российского консула были отнесены поездки черногорцев в Котор и другие окрестные места [6. Д. 4. Л. 156].

Отдельный пункт касался решения частных, имущественных и других споров между черногорцами и австрийскими подданными. Было указано, что каждый черногорец, “который требует решения дорогого ему дела от шудитов (судей. – *Авт.*) цесарьских, пусть не прибегает к самовольной мести, а через суд, как прописано в нашем Законнике, т.е. сперва причины свои ясно и праведно представит черногорскому правительству, обязанностью которого будет направление письма господину консулу, а господин консул потребует от цесарьско-королевского правительства призвать своих судей и провести суд к удовольствию черногорцев”.

Посреднические услуги русского консула между австрийскими и черногорскими органами правосудия предполагались и в случае споров, выдвигаемых австрийскими властями.

Далее говорилось о необходимости “достойного поведения” черногорцев и брдян, отправляющихся на базары, особенно в Котор; предусматривалась их за-

¹² С учетом острого содержания царской грамоты многие югославские исследователи, начиная от В. Джоржевича, Д. Вуксана и до Б. Павичевича, выражают сомнение, что она вообще была прочитана, и что черногорцы были ей так рады. Как возможный вариант приводится мнение о том, что при чтении опускались “тяжелые места” или о том, что М. Ивелич подделал фальшивую грамоту (см.: [2. С. 129; 15. С. 141; 16. С. 248]).

щита со стороны российского консула в случае, если на них нападал “какой-нибудь цесарьский чойка (приказчик. – *Авт.*)”. В таких ситуациях они должны были обратиться к консулу, который “уполномочен нас защищать и искать справедливости за каждого обиженного черногорца или брдянина”, чтобы тот не мстил самовольно и таким образом не оказался перед судом [6. Д. 4. Л. 156]. Для черногорцев, провоцирующих смуту на рынках, предусматривалась судебная ответственность.

Таким образом, указанное “объявление” стало своеобразным правовым документом, содержащим перечень вопросов, решение которых черногорская сторона передавала в компетенцию российского консула. В итоге оказалась реализованной концепция М. Ивелича и высших российских политических кругов об особой роли и влиянии российского консульского органа на жизнь Черногории, хотя черногорские власти из политических соображений представили ее как свою.

Ввиду таких расширенных обязанностей консульства, как пишет М. Ивелич А. Чарторыйскому, необходимо “чтобы в нем были два канцелярских помощника – один по словенскому языку, другой по итальянскому языку, поскольку здешние австрийские власти ведут все дела на итальянском языке” [13. Д. 3. Л. 51].

В итоге, со всей определенностью можно отметить, что, несмотря на высокий официальный статус, которым само по себе наделялось российское консульство в Которе как консульское учреждение Российской империи на территории Австрии, причины его основания и объем вверенных дел в большей степени определялись российско-черногорскими отношениями. Очевидно и то, что учреждение такого консульства стало реакцией петербургского двора на неоднократно адресовавшиеся ему со стороны черногорского руководства просьбы о “покровительстве” России над Черногорией.

Как уже отмечалось, к выполнению своих новых многочисленных обязанностей А. Мазуревский приступил еще до получения согласия венского кабинета на его консульскую деятельность в Которе, о чем свидетельствует его доклад министерству иностранных дел от 8 июля 1804 г.: “Хотя по неписылке из Вены... экзекватуры консулат еще не открыт, однако в отправление мной высочайше возложенной на меня должности с самого приезда вступил...” [13. Д. 3. Л. 10].

Австрия сравнительно долго не давала согласия на деятельность российского консула в Которе. Лишь по истечении двух месяцев после решения царя о назначении А. Мазуревского российская сторона была оповещена нотой вице-канцлера “австрийского двора и государства” графа Кобенцля от 5 июля 1804 г., направленной посланнику России в Вене графу А. Разумовскому, о предоставлении необходимого согласия австрийских властей на начало деятельности консульства. В ноте говорилось: “Его превосходительство Царь и Король одобряет *Requim exequatur* господина Алексея Мазуревского, назначенного консулом России в австрийской Албании”. Одновременно А. Разумовский оповещался, “что в следующую субботу необходимые распоряжения будут сделаны правительству указанной области для того, чтобы консул был признан и мог представиться в своем новом качестве, и ему оказывалось уважение, достойное служащего дружественной и союзнической державы” [13. Д. 3. Л. 18–18об.].

Скорей всего эти указания, сопровождавшие экзекватуру, запоздали, поскольку и после получения согласия от Вены А. Мазуревский еще некоторое время не мог официально начать работать. С учетом остроты противостояния между М. Ивеличем и владыкой Петром А. Мазуревский полагал необходимым как можно скорее открыть консульство и его конструктивной работой содейст-

вывать нормализации обстановки. Однако австрийский комендант Котора барон Розети отказал в этом А. Мазуревскому, ссылаясь на отсутствие указаний от своего ближайшего начальника – австрийского генерал-губернатора Далмации и Албании барона Бради [13. Д. 3. Л. 275].

О том, когда необходимые указания из Вены были, наконец, доставлены австрийским властям в Которе, достоверной информации нет. Согласно данным, которые приводятся Н.И. Хитровой, “в октябре 1804 г. австрийское правительство официально сообщило о признании русского консульства в Которе” [10. С. 325]. Вероятно, это случилось не намного раньше 2 октября 1804 г. – даты, когда консульство было официально открыто. Докладывая об этом в Санкт-Петербург, А. Мазуревский писал: “Вверенный мне консулат 2-го сего месяца в присутствии его сиятельства господина генерала-лейтенанта и кавалера графа Ивелича и черногорских и бердских депутатов с обыкновенными обрядами открыт” [13. Д. 3. Л. 14]. Сам М. Ивелич докладывал об этом событии несколько подробнее, указывая, что открытие консульства происходило “при собрании как здешних австрийских чиновачальников и граждан, так и прибывших из Черногории губернатора и первейших главарей в числе 25 человек; каковое учреждение не только христиане, но и иноверцы почитают ознаменованием благоденствия, ниспосланного славянам из особливого благоволия Его величества” [13. Д. 3. Л. 51–51об.].

Об уникальности российского консульства в Которе в части направленности значительной части его деятельности на Черногорию говорит и то, что к письму российского консула черногорскому владыке, сообщавшему об открытии консульства, была приложена копия подписанного царем консульского патента А. Мазуревского [13. Д. 3. Л. 307]. С учетом того, что речь идет о служебном документе, который государство выдает своему консулу, “чтобы им мог удостоверить свою личность в государстве своей деятельности”, это действие с формально-правовой точки зрения может комментироваться как символический способ его аккредитации в Черногории.

Значимость этого жеста особо возрастает с учетом того, что функцией нового консульства, наряду с обычной в мировой практике защитой интересов своих граждан на территории другого государства, была, как уже отмечено, защита интересов Черногории, формально остававшейся частью Османской империи, перед соседней Австрийской империей, господствовавшей в Боке Которской. О таких задачах деятельности российского консульства в Которе были достигнуты договоренности с черногорской стороной. При этом следует отметить, что если бы Черногория в то время имела статус независимого государства, такой вид защиты ее интересов с точки зрения международного права не представлял бы ничего необычного. В практике международного сообщества были известны случаи, когда дипломатические и консульские учреждения одного государства защищали интересы другого на территории некоего третьего государства, в котором оно не имело своих дипломатических или консульских представительств. В нашем же случае указанная деятельность российского консульства может толковаться как вид признания особого государственного статуса Черногории. На российское консульство в Которе было перенесено выполнение некоторых обязанностей, которые, вообще говоря, попадают в круг прерогатив суверенного государства. Среди них: проведение внешней политики, установление взаимоотношений с соседними государствами, регулирование прав граждан в

случае путешествия за границу. Все эти обязанности черногорское правительство и владыка фактически доверили российскому консулу, о чем официально оповестили царя письмом от 16 августа 1804 г.¹³ Поступив таким образом, Черногория отреклась от части своих суверенных прав, которые она начала обретать в процессе национально-освободительной борьбы. Такой вид добровольной зависимости мог бы называться частичным протекторатом России над Черногорией в области международного представительства.

Поскольку Черногория ко времени основания российского консульства в Которе формально продолжала находиться в составе Османской империи, установление без согласия с ней консульской защиты над ее подданными со стороны России наглядно свидетельствовало о том, что власть Порты на этой территории была настолько слаба, что не могла контролировать происходящее в Черногории, которая в свою очередь уже полностью вышла из-под ее контроля. Итак, подтверждалась истина о высокой степени политической самостоятельности, которую Черногория к тому времени успела себе обеспечить.

Придя к окончательному выводу о бесперспективности затеи смещения владыки Петра I Петровича-Негоша, М. Ивелич все же решил довести до логического конца решение такой задачи в отношении его секретаря аббата Ф. Долчи. Отстранение “главного виновника” профранцузского крена черногорского руководства послужило бы подтверждением правильности политической линии, которая осуществлялась М. Ивеличем с самого начала его миссии в Черногории, и, кроме того, оказалось бы формой политического давления на черногорского митрополита, на которого в этом случае можно было возложить и значительную часть вины за кризис в российско-черногорских отношениях.

Решение задачи наказания аббата М. Ивелич возложил также на А. Мазуревского, в письме которому от 29 августа 1804 г. он писал, что продолжающееся нахождение Ф. Долчи в Черногории “при нынешних обстоятельствах” является вредным для “преданности владыки августейшему монарху”, в которой сам М. Ивелич больше не сомневается. Актуальность устранения Ф. Долчи граф аргументировал уверенностью, что тот готов и дальше плести интриги, компрометируя владыку и подстрекая народ.

Вводя А. Мазуревского в курс дела, М. Ивелич прилагает к письму часть инструкции министерства иностранных дел по этому вопросу. Не будучи уверенным в благосклонности митрополита к этой затее, он в конце письма рекомендует А. Мазуревскому “убедить его преосвященство, что изгнание Долчи из Черногории было бы весьма приятно его императорскому величеству и послужило бы еще большим доказательством покорности и преданности митрополита милосердному монарху” [13. Д. 3. Л. 296].

Узнав о новом требовании М. Ивелича, владыка 6 сентября 1804 г. направляет ему письмо, в котором утверждает, что обвинения Ф. Долчи безосновательны, что аббат не был причиной его разногласий с царем, “потому что их не было” [13. Д. 3. Л. 297]. Виновником возникших недоразумений митрополит называет новых соседей Черногории – австрийцев, имевших злонамеренную цель

¹³ В письме владыки Петра, адресованном царю Александру I, помимо прочего сказано: “Я и народ черногорский и брдянский возложили на этого консула все наши дела с австрийским правительством и мы отрекаемся иметь с тем правительством какие-либо публичные или тайные сношения или переписку вне того, что будет сделано поперек сказанного консулом” [17. С. 198].

отвратить черногорцев “от двора Его царского величества”¹⁴. Ф. Долчи, по утверждению митрополита, “не вмешивался в черногорские дела”, к тому же его как человека другой веры “никто бы из православных не послушался и ему не следовало” [13. Д. 3. Л. 272об].

В письме А. Мазуревскому, датированном также 6 сентября, митрополит однозначно говорит о невозможности устранения аббата из Черногории, по крайней мере, без решения компетентной комиссии; в противном случае это стало бы укором черногорцам и было бы на руку “клеветникам и врагам нашим”. Ф. Долчи, считает владыка, не может покинуть Черногорию, пока не докажет свою невинность. Иначе он “здесь не будет терпеться ни одного дня”. Причиной наветов на Ф. Долчи владыка называет неудачу австрийцев в захвате Черногории. А поскольку, подчеркивает митрополит, им не удалось добровольно сдавшееся австрийскому двору приморское население поставить в “полное рабство”, то они решили показать будто Долчи “здесь, в народе нашем, дела в пользу французов вершил” и таким образом “лишить его и черногорский народ всех милостей и покровительства высокого русского двора и тем самым добиться своей цели” [13. Д. 3. Л. 272об.]. Иными словами, речь шла о том, что австрийцы после аншлюса Далмации и Боки Которской, не добившись такого же результата от Черногории, были всерьез озабочены ее продолжающейся ориентацией на Россию. Что и обуславливало их заинтересованность в появлении любой помехи такому курсу, в том числе со стороны их противников французов.

Отказ черногорского митрополита от устранения аббата угрожал только что нормализовавшимся отношениям с русским двором. Однако первоначальное энергичное сопротивление владыки преследованию Ф. Долчи вскоре прекратилось. Уже к началу ноября 1804 г. он принял русскую позицию о виновности своего секретаря. Какие аргументы повлияли на это, определенно судить трудно. Во всяком случае, на основе его дальнейшей переписки с М. Ивеличем и А. Мазуревским можно видеть, что владыка полностью принял их точку зрения об измене аббата и стал настаивать на суде над ним.

Направленное А. Мазуревским черногорскому правительству представление о подрывной деятельности Ф. Долчи оказалось в центре беседы, состоявшейся 13 ноября 1804 г. в монастыре Станевичи между консулом и владыкой, и позднее играло роль одного из главных документов для приговора обвиняемому. В ходе беседы владыка окончательно уверился в вине аббата, чему помогла изъятая у того переписка с французами, содержавшая призывы лишить Черногорию “свободы и православия” [18. С. 56]. Таким образом Ф. Долчи был изобличен “не только в переписке с первым консулом французским Бонапартом, но и со многими державами, без знания и договора с митрополитом и кавалером нашим” [18. С. 53].

Далее владыка направил письмо А. Мазуревскому, в котором наряду с констатацией предательской деятельности Ф. Долчи, предлагал осудить его “в соответствии со строгостью закона”. Консул приглашался лично присутствовать на судебном заседании в Станевичах [13. Д. 3. Л. 300]. Множество деталей о дальнейшем ходе этого процесса можно найти в приговоре аббату от 27 ноября 1804 г., опубликованном Д. Вуксаном в 1937 г. [18. С. 54]. Этот документ, изоби-

¹⁴ Подтверждением доводов владыки может служить запись А. Мазуревского, отмечавшего, что по прибытии в Котор он был извещен людьми, которые “основательно знали обстоятельства”, что еще до приезда М. Ивелича австрийцы, прибравшие к рукам Боку, “всемерно старались склонить на их сторону владыку Петра и черногорских главарей”, для чего барон Розети раздавал “пшеницу черногорцам якобы заимообразно” [13. Д. 3. Л. 272об.].

люющий описанием сути события и хода следствия, свидетельствует о важной роли российского консула в раскрытии преступления.

М. Ивелич был полностью удовлетворен таким развитием событий, хвалил за это митрополита и А. Мазуревского. Несмотря на то, что, по оценке последнего, аббат заслуживал смертной казни, сам консул с учетом того, что российский император, под покровительством которого находятся черногорцы, смертную казнь запретил, предлагал осудить Ф. Долчи на пожизненную каторгу. В свою очередь митрополит, со ссылкой на “письмо господина консула Мазуревского” предложил суду, чтобы “сентенция на смерть предателя Долчи не была исполнена до распоряжения и приказа милосердного государя высокославного императора Александра”. В итоге черногорское правительство, исполнявшее в данном случае функции суда, “единодушно и единогласно” приговорило “вышесказанного изменника Долчи” к публичному повешенью. Между тем, с учетом предложений консула и митрополита смертная казнь была заменена на “вечное содержание в темнице” [18. С. 59]. Ввиду отсутствия А. Мазуревского на суде черногорское правительство 29 ноября письменно проинформировало его о принятых решениях, приложив копию приговора, тайную переписку аббата и найденную у него фальшивую печать.

Назначенное судом наказание Долчи отбывал в Станевичах. Однако, как следует из письма от 26 апреля 1805 г. митрополита Петра консулу А. Мазуревскому, осужденный “по воле Божьей умер”. В письме митрополит просит консула, чтобы о смерти аббата сообщили “господину епископу римского вероисповедания”, чтобы тот, если сочтет это необходимым, направил священника для проведения похорон по католическому обряду.

Как отмечалось выше, открытие консульства в Которе оказалось весьма подходящим средством для дальнейшей институционализации российского влияния в Черногории. Намного эффективнее, чем миссия М. Ивелича, оказалась работа консульства, позволившая поставить под русский контроль почти всю внутри и внешнеполитическую жизнь Черногории. Суд над Ф. Долчи – явное тому подтверждение.

Принимая во внимание изложенное, возникает вопрос: как на такой вид взаимоотношений Черногории и России смотрели другие государства, в первую очередь, Австрия и Османская империя.

Естественно, Веной это было воспринято негативно, особенно вследствие действий как черногорцев, так и А. Мазуревского, демонстрировавших, что намерения российской политики в Черногории намного глубже, чем просто защита ее интересов в консульской сфере.

Немаловажным для австрийцев представлялось то обстоятельство, что для развития российско-черногорских отношений Россия открывала свое консульство не в затерявшейся в горах черногорской столице Цетинье, а вне черногорской территории, в веками обжитом, процветавшем Которе, являвшимся к тому времени австрийским владением.

Отсюда и негативная реакция австрийского наместника в Которе барона Розети, которому уже при первой встрече 14 августа 1804 г. А. Мазуревский передал послание, где подчеркивалось, что Черногория находится под русским протекторатом уже 94 года¹⁵. Заявления главы черногорской делегации, прибыв-

¹⁵ Очевидно имелась ввиду датированная 1711 г. грамота императора Петра Великого черногорскому владыке Данило, в которой он призывал черногорцев выступить совместно против турок, обещая при этом “милость и награждение” (см.: [19. Док. 13]).

шей на церемонию торжественного открытия консульства¹⁶, о том, что с сегодняшнего дня черногорцы становятся российскими подданными, и что все дела с австрийскими властями впредь будут совершаться через консула А. Мазуревского, также имело соответствующий политический эффект [2. С. 133–134]. На основе этих публичных заявлений и поведения представителей обеих сторон Розети уверился в том, что Россия намерена сделать из Черногории свою провинцию, в которой М. Ивелич был бы губернатором [13. Д. 3. Л. 273]. Обвинения в сговоре владыки с французами были, в представлении барона, лишь завесой, рассчитанной на отвлечение внимания австрийских властей от подлинных замыслов России.

В итоге австрийцы пришли к выводу, что “переход Черногории под российское подданство создаст... провинцию, которая нанесла бы огромный ущерб и Турции, и Австрии, Австрии особенно, поскольку такая провинция проглотила и Боку, и Дубровникскую республику. Этим бы удовлетворялись претензии на земли, которыми обладал еще Иван Црноевич, и тогда бы они более не были провинцией маленькой Черногории, а уже России. А если бы Россия забрала Черногорию, тогда бы пропали все надежды Австрии захватить Сербию и Боснию, поскольку в этих провинциях много русских приверженцев и, естественно, Россия, утвердившись в Черногории, требовала себе и Сербию, и Боснию” [2. С. 133–134].

Эти положения оказались стержнем выступления австрийского посланника в Санкт-Петербурге, напомнившего о тайном австрийско-русском соглашении, по которому в случае раздела Османской империи Черногория присоединялась бы к Австрии. Министр иностранных дел России А. Чарторыйский пытался тогда в ответ убедить австрийского дипломата в том, что “Черногория независима” и потому не может стать русской провинцией; царь же не желает ничего другого, кроме оказания защиты Черногории.

При личной встрече с М. Ивеличем барон Розети озвучил твердую решимость венского двора не признавать покровительство российского императора над черногорцами, а рассматривать их как подданных Порты и воспринимать только в таком качестве [6. Д. 4. № 4].

Возникшей напряженности в российско-австрийских отношениях способствовала активная деятельность А. Мазуревского и его, судя по всему, непродуманный шаг, когда он, по оценке А. Чарторыйского, “позволил себе опубликовать неприличные бумаги на территории другого государства, а такой его поступок вынудил местное начальство прервать с ним всякие отношения” [6. Д. 4. № 4]. Речь шла об “объявлении” А. Мазуревского о том, что русский царь предлагает сделать Черногорию центром славяносербского государства под покровительством и верховной властью России [6. Д. 4. № 6]. После этого последовало формальное представление венского двора министерству иностранных дел России. Как следствие, А. Чарторыйский приказал М. Ивеличу сделать строгий выговор А. Мазуревскому с напоминанием впредь быть более осмотрительным, в противном случае он будет отозван. Промах А. Мазуревского министр объяснял его неопытностью и рвением в работе.

¹⁶ Прибывшим в Котор на церемонию открытия российского консульства черногорцам барон Розети отказал войти в город с оружием. Тогда А. Мазуревский сделал представление прямому начальнику Розети генерал-губернатору Далмации и Албании Бради, подчеркнув при этом, что черногорцы “скорее возвратятся восвоясь, нежели позволят себя обезоружить”. В итоге Бради направил к городским воротам своего ординарца с приказом впустить черногорцев с оружием [13. Д. 3. Л. 280об.].

В возникшем споре относительно подхода России к Черногории австрийская сторона стала использовать аргументацию, основанную на положениях Систовского мирного договора 1791 г. между Австрией и Османской империей, по которому Черногория считалась частью последней. В ответ российская сторона подчеркивала, что Черногория находится под покровительством России, и Порты знает об этом, как и о миссии М. Ивелича. А. Чарторыйский также заявил, что Систовский мир заключен без участия России, и поэтому российское правительство отвергает пункт о Черногории, поскольку считает ее фактически независимым государством [10. С. 329]. Развивая эту аргументацию, А. Чарторыйский в письме российскому посланнику в Вене графу А. Разумовскому пишет: "Поскольку Порты очень хорошо знает политическую жизнь Черногории и не... ошибается, что эта территория нисколько не зависит от Турции, то она не может иметь ничего против существующих отношений между Россией и Черногорией" [2. С. 135].

Позиция Османского государства в российско-австрийском диалоге относительно Черногории определялась тогда его слабостью и незавидным международным положением. Поскольку обострение отношений с Россией могло создать для Порты еще большие проблемы, ее официальной реакции практически не последовало.

В итоге деятельность неугодного как Вене, так и Порте российского консульства в Которе продолжалась в течение последующего времени благодаря их нежеланию идти на дальнейшее обострение отношений с петербургским кабинетом. Окончательную судьбу консульства определили, можно сказать, меняющиеся международные обстоятельства. Согласно мирному договору, подписанному 26 сентября 1805 г. в Пожоне (ныне Братислава), и в результате победы армии Наполеона над австрийско-российскими войсками под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. Бока Которская, как и Далмация, была присоединена к Франции. Срок их передачи Наполеону был намечен на 2 января 1806 г.

В 1805 г. в Черногорию по поручению царя прибыл его посланник С. Санковский¹⁷, имевший задачу окончательно преодолеть конфликтную ситуацию с черногорским руководством, углубить российское влияние в регионе, содействовать союзу черногорцев и брдян с Россией. Он привез с собой материальную помощь. Уже в апреле 1805 г. С. Санковский писал из Станевичей А. Мазуревскому: "...Не будет бесполезно для службы великого нашего императора, когда Вы по всем делам, относящимся до доброго соседства между черногорскими и австрийскими жителями, будете меня извещать; да равно и по другим делам, кои могут послужить некоторым образом в пользу здешнего края" [13. Д. 3. Л. 330об.]. В последующие месяцы отношения российских представителей и черногорских

¹⁷ С.А. Санковский в начале 1805 г. после провала миссии М.К. Ивелича был направлен в Черногорию в качестве "специального представителя". Ему поручалось сформировать из местных жителей военный корпус на случай вторжения французов. Покинул Черногорию в 1807 г. после сдачи Котора французам.

В одном из своих донесений А. Чарторыйскому С. Санковский писал: "Ваше сиятельство соизволили мне приказать доложить, пользуется ли генерал, граф Ивелич великою доверенностью и уважением в народе славяносербском. На сие я не могу иное что отвечать, что граф Ивелич отнюдь не пользуется доверенностью черногорского митрополита, следовательно, невозможно ему иметь должное влияние по делам черногорским; а может быть то немало ему вредит в мыслях здешних народов, что он им соотчич, потому они не имеют к нему того послушания, кое они имели к природному россиянину равного им чина" [6. 1–5. 1805–1821. Д. 1. П. 2. Л. 306–323].

властей отличались особой дружественностью, взаимопониманием и взаимодействием. Архивные источники указывают, что митрополит регулярно информировал российское консульство по многим актуальным проблемам и, в частности, о “покушении венского двора возмущать Боснию и Герцеговину” с помощью прибывшего в Дубровник “каноника” Владковича, который “почти подобен злодею Долчи” (письмо от 11 февраля 1805 г. [13. Д. 3. Л. 312]); о планах австрийского генерал-губернатора Бради собрать восьмидесятысячное войско для “вступления в Боку” (письмо от 28 февраля 1805 г. [13. Д. 3. Л. 314]); о нападении “никшичских турок” с помощью “герцеговинских христиан” на турецкое село Жупа (письмо от 25 марта 1805 г. [13. Д. 3. Л. 321об.]); о притеснениях австрийскими властями жителей Грбалья и их бегстве в Черногорию (письмо от 28 августа 1805 г. [13. Д. 3. Л. 310]); о собрании в монастыре Ластва, на котором было принято решение “драться с французами, где бы они не явились” (письмо от 21 января 1806 г. [13. Д. 3. Л. 337]) и др.

Вместе с тем, в начале января 1806 г. С. Санковский сообщил, что российское правительство приняло решение отозвать своего консула из Котора. С учетом предстоящей передачи Боки Которской Франции такое решение русского правительства было ожидаемым [20. С. 5].

Дальнейший ход событий на определенное время отложил приход французов в Боку Которскую. В феврале 1806 г. черногорцы и бокельцы, взаимодействуя с моряками адмирала Д.Н. Сенявина, освободили всю Боку от австрийской власти. Необходимость защиты черногорцев от Австрии перестала существовать. Российское консульство быстро прекратило свою деятельность. Консул А. Мазуревский покинул Котор, судя по выданным ему С. Санковским путевым документам, в марте 1807 г. Так закончился этот необычный этап черногорско-российских отношений, в котором с точки зрения дипломатической истории, как России, так и Черногории консульство в Которе явилось редким феноменом.

В заключение можно резюмировать, что основание русского консульства в Которе со специфическим кругом обязанностей превзошло свое конкретное дипломатическо-консульское назначение. Консульство выполняло функции предоставления и защиты интересов народа, который официально принадлежал Османской империи и еще не имел своей государственности, но успел создать известную степень самостоятельности и особый статус в ее рамках. Это имело большое значение для населения Черногории, подтверждало особенности страны и внушало оптимизм относительно исторических перспектив, которые касались не только укрепления и расширения государственной организации и ведения освободительной борьбы, но объединения с соседними, пока не освобожденными славянскими народами. Уже фактом своего нахождения в Которе консульство внесло вклад в обогащение связей черногорцев с братским населением Боки Которской, что имело особое значение для последующих событий, касавшихся провозглашения и кратковременного существования объединенного государства Черногории и Боки Которской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Čubrilovič V. Međunarodni položaj jugoslovenskih zemalja koncem XVIII i XIX vijeka // Jugoslovenske zemlje i Rusija u vreme prvog srpskog ustanka 1804–1813. Beograd, 1983.
2. Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. Цетиње, 1951.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1963. Сер. I. Т. 3.

4. *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала 19 в. // Балканский исторический и политический сборник. Кишинев, 1974.
5. *Никчевић Т.* Улога Црне Горе и митрополита Петра I у припремама и подизању првог српског устанка 1803–1804 // Југословенске земље и Русија у време првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. I–7. Оп. 6.
7. *Вуксан Д.* Црна Гора у 1804. години. Записи. 1939. Књ. XXII.
8. Посланица Петра I Бокељима од 17. новембра 1803.
9. *Вуксан Д.* Посланице митрополита црногорског Петра I. Цетиње, 1935.
10. *Хитрова Н.И.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983.
11. *Анишаков Ю.П.* Становление черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
12. *Вуксан Д.* Записи // Гласник Цетињског историјског друштва. Књ. XXII, св. 4 – октобар 1936.
13. Архив внешней политики Российской империи. Ф. СПб. ГА. IV–5. Оп. 123. 1804 г.
14. Архивско одјељење Народног музеја Црне Горе. Ф. Петар I. 1628 VIII. 1804.
15. *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија.
16. *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997.
17. *Миловић Ј.* Петар I Петровић Његош – писма и друга документа, грађа. 1780–1820. Титоград, 1987. Књ. I.
18. *Вуксан Д.* Пресуда абату Долћи. Записи. 1937. Књ. XVII.
19. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984.
20. *Павићевић Б.* Црна Гора и Бока Которска од Пожунског до Тилзитског мира 1805–1807 // Историјски записи. Београд, 1985. 3–4.